

— А если он спросит о Сули? Или вообще откажется тебя видеть?

— Лучше это, чем сидеть здесь и нервничать.

Жуньюй сидел в комнате, перелистывая бамбуковые свитки, когда Цзиньми внезапно ворвалась внутрь. Он сделал вид, что только что закончил чтение, свернул свиток и отложил его в сторону.

Жуньюй встал и обратился к ней:

— Цзиньми, ты вернулась.

Цзиньми подбежала к нему, усадила его и сказала:

— Позволь мне посмотреть, как ты.

Жуньюй с недоумением спросил:

— Что случилось?

Цзиньми, обычно весёлая и шутливая, на этот раз говорила серьёзно:

— Рыбак, я уже всё слышала. Что бы ни случилось, я буду с тобой.

Жуньюй невольно сжал руку, его лицо стало напряжённым:

— Ты уже знаешь.

Цзиньми склонила голову на его плечо:

— Да, ты такой добрый, это точно не твоя вина.

— Ты знаешь о своём происхождении?

Цзиньми кивнула:

— Да, Небесный Император сказал, что я его дочь, так что ты теперь мой брат. Я спустилась в мир, чтобы пройти испытания, именно поэтому.

Оказывается, она ещё не знала всего.

Жуньюй расслабил сжатую руку и сказал:

— Могу ли я попросить у тебя виноградную лозу?

— Конечно, — быстро ответила Цзиньми, протянув руку, и в её ладони появилась виноградная лоза. — Вот, держи.

Жуньюй взял её и превратил в заколку, похожую на ту, что подарил ему Сюйфэн, и вставил её в волосы.

Цзиньми с недоумением спросила:

— Рыбак, ты потерял свою прежнюю?

Жуньюй улыбнулся:

— Да.

— Не беда, у меня много виноградных лоз. Если потеряешь ещё, просто скажи мне.

— Хорошо.

Когда Сюйфэн вошёл, он увидел, как Цзиньми склонила голову на плечо Жуньюя, а тот не только не возражал, но и выглядел привыкшим к этому. Он был удивлён и разгневан. Как Жуньюй мог позволить Цзиньми быть с ним так близко?

— Что вы делаете?

Цзиньми вздрогнула от его крика:

— Феникс, что с тобой? Зачем так кричать?

— Вы...

Сюйфэн был так зол, что не мог говорить. Он подошёл, схватил Цзиньми и оттащил её, глядя на Жуньюя, готовый спросить, но, встретив его спокойный взгляд, сразу сдался.

Теперь он был сыном убийцы матери Жуньюя. Он пришёл извиняться, но вместо этого разозлился.

Сюйфэн выдохнул и мягко сказал:

— Жуньюй, я хочу поговорить с тобой.

Жуньюй без эмоций встал:

— К сожалению, у меня есть дела.

С этими словами он направился к двери.

Сюйфэн поспешно отпустил Цзиньми и попытался схватить его за запястье, но Жуньюй уклонился.

Сюйфэн, глядя на пустую ладонь, с трудом сдерживал грусть. Он повернулся к Цзиньми:

— Уходи, мне нужно поговорить с Богом Ночи.

Цзиньми надулась:

— Почему, как только ты приходишь, я должна уходить? Ты слишком издеваешься над нами, фруктами...

Она замолчала под строгим взглядом Сюйфэна.

— Ладно, я ухожу.

Уходя, Цзиньми утешала себя: «Лучше не лезть на рожон, гибкость — её главное качество».

Жуньюй сжал кулак, вены на руке выступили. Он не хотел иметь дело с Сюйфэном и повернулся, чтобы уйти.

Сюйфэн мгновенно переместился перед ним:

— Я хочу поговорить с тобой.

Жуньюй отвернулся:

— Нам не о чём говорить.

Холодность Жуньюя ранила Сюйфэна, вызывая в нём обиду:

— Ты теперь даже смотреть на меня не хочешь?

Жуньюй продолжал молчать.

Сюйфэн опустил голову, голос его дрожал:

— Я знаю, матушка... она сделала то, что ты не можешь простить. Скажи, что ты хочешь, я...

Жуньюй резко прервал его:

— Ты ничего не знаешь!

Этот крик усилил обиду Сюйфэна. Он хотел знать, но, кроме дяди, все скрывали от него правду.

— Если Бог Огня пришёл по этому поводу, можешь уходить.

— Ты прогоняешь меня?

— Разве ты считаешь мой Дворец Сюаньцзи своей собственностью?

Сюйфэн сдерживал тревогу, пытаясь говорить естественно:

— Дядя сказал, что его зеркало кто-то заколдовал. То, что ты видел в зеркале, могло быть подделкой.

Жуньюй сжал кулак, но сохранил спокойствие:

— У меня есть глаза.

— Виноградная лоза, которую я тебе подарил, на самом деле — моё Перо Хуаньди Фэнлин. Ты знаешь это, верно?

Сюйфэн смотрел на виноградную лозу в его волосах, его голос был полон печали.

— Но зачем ты её заменил? Моё Перо Хуаньди Фэнлин единственное, я подарил его тебе. Разве ты не понял моих чувств?

Я хочу любить только тебя всю жизнь, не обращая внимания на других.

— Я чуть не забыл.

Жуньюй поднял руку, и в комнате вспыхнул золотой свет, который принёс к его ладони Перо Хуаньди Фэнлин. Он протянул его Сюйфэну, его лицо оставалось бесстрастным.

— Теперь оно вернулось к хозяину.

Сюйфэн дрожал всем телом, он отказался брать его:

— Я отдал тебе не только это перо.

Эти слова не тронули Жуньюя. Он мог сказать это ему, а мог и Цзиньми. Что хорошего в таких банальностях? Жуньюй с трудом сдерживался, чтобы не разоблачить его лицемерие, и положил Перо Хуаньди Фэнлин на каменный стол во дворе:

— Бог Огня, делай, что хочешь.

Его голос был настолько спокоен, что казалось, будто он никогда не испытывал к нему чувств.

— Ты больше не хочешь его? Ты больше не хочешь меня?

Сюйфэн в панике залез в воротник и вытащил светящуюся голубым светом чешую, пристально глядя на Жуньюя, словно пытаясь проникнуть в его душу.

— А это? Ты помнишь это? Обратную чешую дракона нельзя трогать, но ты подарил её мне. Ты всё ещё будешь отрицать?

Жуньюй наконец посмотрел на него, но его глаза, лишённые былой мягкости, были полны холода:

— Эту чешую вырезали у меня ещё до того, как я попал в Небесное Царство. Знаешь почему?

Сюйфэн понял, что он хочет сказать, и начал отрицать, не желая слышать продолжения.

— Моя мать боялась, что Небесная Императрица обнаружит меня и уничтожит наш Клан Драконьей Рыбы, поэтому вырезала её. Не только её, но и мои драконьи рога. Она сама брала нож и срезала их. Сегодня срежут, завтра вырастут, день за днём. Ты знаешь, каково это?

Жуньюй говорил это так спокойно, будто рассказывал чужую историю.

Сюйфэн слушал, и ему было больно:

— Ты никогда не говорил мне об этом...

В то время Жуньюй был ещё ребёнком, а уже переживал такие мучения.

— Потому что тогда моя мать была ещё жива.

— Значит, ты никогда не был счастлив.

В отличие от спокойствия Жуньюя, глаза Сюйфэна покраснели, слёзы готовы были хлынуть.

— Прости меня, прости.

Жуньюй был прав, он действительно ничего не знал. Он мог только повторять извинения, но что толку?

— Но ты ведь тоже любил меня, Жуньюй. Я всегда любил тебя, не бросай меня из-за матушки, пожалуйста!

Жуньюй не смягчился от его мольбы:

— Теперь есть только ненависть.

С этими словами он отвернулся, запер дверь и ушёл.

Сюйфэн, глядя на закрытую дверь, опустился на пол.

Покинув Жуньюя, он сразу отправился к матери, и между ними разгорелся жаркий спор. Мать говорила, что всё сделала ради него, но теперь Жуньюй его игнорирует, и ему было совсем не хорошо.

<http://bllate.org/book/15463/1368107>